

УДК 343.4

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-111-115

РОЛЬ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР КОРРУПЦИИ

канд. юрид. наук, доц. Т.Г. ТЕРЕЩЕНКО

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8705-2046>

Статья посвящена проблеме противодействия коррупции в период магдебургского права на белорусских землях. Автор, применяя сравнительно-правовой и исторический методы исследования, приходит к выводу о дальнейшем развитии ограничительных мер коррупционного поведения чиновников посредством урегулирования общественных отношений актами магдебургии. Отмечается наличие коррупциогенных факторов, способствующих совершению правонарушений в исследуемый период. Вместе с тем отмечена трансформация норм права, касающихся противодействия коррупции. В частности, были введены дополнительные ограничения для предотвращения злоупотребления и превышения должностными полномочиями в современном понимании криминологической наукой. Новации выборности отдельных членов магистрата и суда, усиления роли мещан в управлении городами и местечками стали сдерживающими факторами для развития коррупции. Это позволяет констатировать формирование сущностной основы антикоррупционной политики современного белорусского государства с позиции преемственности права.

Ключевые слова: ВКЛ, коррупция, коррупциогенные факторы, магдебургское право, Речь Посполитая.

Введение. Проблема предупреждения преступности актуальна во все времена. Как показывает история нашего государства с позиции преемственности права, для исследователей важно научное осмысление поступательной трансформации общественных отношений, регулируемых правовыми инструментами. В этой связи представляет особый интерес противодействие коррупции как общеопасному историческому системному и конклюдентному явлению. Обращение к истории вопроса, в частности, периоду магдебургского права, помогает глубже проникнуть в сущностные формирования современной антикоррупционной политики государства. Рассмотрим данное направление в научной статье.

Причины дарования городам немецкого (тевтонского) права (любекского, нюрнбергского, магдебургского и его разновидностей, например, хе(о)лмского, сродского права) [1, с. 65–66] весьма противоречивы, о чем говорит анализ историографических источников и публикаций авторов исследуемого периода [2; 3]. Основной посыл немецкого (в контексте нашей статьи – синоним «магдебургского») права заключался в расширении городского самоуправления с созданием собственных органов власти и суда (магистрата), отличных от земских (волостных) органов власти – воеводы (старосты) и его подчиненных (каштеляна, подвоеводы, ключника, городничего и т.п.). В свою очередь введение немецкого права отразилось на хозяйственных функциях городов, увеличении численности и городов, и населения, укреплении обороноспособности.

В этой связи для нас представляет особый интерес развитие органов городского самоуправления в контексте противодействия коррупционным проявлениям магистрата и воеводства; усиления роли магистрата с позиции реализации прав и свобод мещан и формирования нового социального сословия наряду со шляхтой, активизации их гражданской позиции в управлении городом; недопущения нарушений и злоупотреблений правами представителями властных структур (фактически имело место двоевластие на уровне волости и города). При этом сохранили отдельные властные полномочия по управлению юридиками бояре и духовенство (например, Экимань и Остров вблизи Полоцка) [4, с. 52–54]. Особым правовым статусом пользовались и территории владельческих городов, на которые распространялось действие немецкого права. Поэтому резонно ставить вопросы относительно эффективности осуществления властных полномочий городскими чиновниками в контексте введения магдебургского права; имелись ли сдерживающие механизмы от коррупционных нарушений урядников при реализации административных, судебных, фискальных и иных функций с учетом усиления роли общественности – «абшчыны», «свободных мужей», появлении цеховиков, т.е. элементов гражданского общества в условиях формирования основ антикоррупционной политики государства в современном её трактовании и понимании криминологической наукой. Выявление исторических закономерностей развития правовой системы периода магдебургского права имеет важное значение для понимания формирования сущностной основы антикоррупционной политики современного белорусского государства с позиции преемственности права.

Для решения обозначенных задач актуальны документы, дарующие магдебургское право, а также конкретизирующие особенности правового положения отдельных лиц (привилегии, грамоты, жалованные грамоты, выроки, протесты и т.п.). Обратимся к содержанию наиболее известных источников права и научных публикаций авторов, исследовавших обозначенный временной этап. Первоначально рассмотрим привилегии (жалованные грамоты) на дарование белорусским землям магдебургского права и проведем их содержательный анализ с позиции исследуемого нами предмета в рамках историко-правового и компаративистского методов. Сведения об исследуемых процессах датируются следующим образом: Вильно (1387), Берестие (1390, 1408, 1440); Перемиль (1430);

Литовеж (1434–1437); Дорогичин (1458, 1498), Полоцк (1498), Минск (1499), Мельник (1501) и т.д. Как видим, некоторые привилегии (грамоты) выдавались неоднократно, в первую очередь, для конкретизации ранее выданных и включались в такие источники права, как акты магдебургии [5]. Положения привилегий применительно к вопросу о становлении и развитии антикоррупционных ограничительных мер государства исследуемого периода можно условно разделить на группы по существенным признакам.

Основная часть. Формирование обособленной системы городского управления и суда, свободной от юрисдикции волости. Так, уже привилегия для Вильно (1387) содержал новацию в виде судебного иммунитета, наряду с введением налоговых льгот и отменой некоторых повинностей. Предполагалось изменение подсудности горожан (*cives*) и выведение их из-под юрисдикции великокняжеских чиновников «*castellanorum, capitaneorum, voievodorum, burgrabiorum...*»¹ с передачей новому суду войта (*advocatus*): «...когда их вызовут к ним ...по таким большим или малым делам, как кража, кровь, убийство, увечье членов, поджог и любое другое, они не будут нести ответственность и не будут обязаны платить никаких штрафов, русины, так и поляки, и литовцы, и любые другие, перед своим адвокатом (войтом), который будет присутствовать при этом...». В свою очередь войт также был подсуден «господарскому суду» по праву немецкому. Однако процессуальные аспекты назначения войта и иных лиц магистрата, как и требования к ним, возможности их замены (смещения) привилегий не содержал. В последующем привилегия Берестю (1408) вновь продублировал норму о подсудности суда войта и запрете судебных разбирательств воеводой (его подчиненными) в отношении жителей города только правом тевтонским (ранее обычное и литовское право). Вместе с тем вводилось понятие «смешанного суда» (*iudicium mixtum*) в случае участия в судебном процессе в качестве истца или ответчика лица, подсудного «литовскому праву». Это требовало коллегиального рассмотрения дела с участием и войта, и воеводы². Детализирующие положения правового статуса магистрата вновь не приводились.

Конкретизация правового положения лиц магистрата. Деятельность органов самоуправления. Уже в грамоте Витовта (1430) княжеским усмотрением определялось назначение «достойного и честного Верукона» и его последующих законных наследников в должности войта Перемиля (то есть должность передавалась по наследству). Помимо данной, вводились и должности двух бурмистров, однако каким образом происходило назначение, грамота не поясняла (вероятнее всего войт или князь назначал их самостоятельно на первоначальном этапе с последующим выборным началом). Предусматривалось также жалование войту в виде доходов (налогов) от судебного производства (третья часть штрафов), строительства (десятая часть), рыбной ловли, содержания боен, пекарен и т.п.³ Судебный иммунитет войта также закреплялся относительно подсудности мещан. Появилась норма о коллегиальном рассмотрении судебных дел «особой категории» под председательством воеводы совместно с войтом: «...караемых смертной казнью, например, об убийстве, поджоге и других...».

Обозначим, что в более поздних грамотах (например, 1434–1437 гг. Литовежу, 1440 г. Бресту, 1508 г. Волковыску) норма об особенностях судебного процесса также дублируется, в отличие от описания магистрата и его функций, хотя имеется аналогия в части функционирования правовой системы применительно к отдельным городам. Повторно встречается норма о назначении войта князем с правом наследования должности, что является условно криминогенным фактором с позиции несменяемости власти и возможности её узурпации. Причины назначения могли быть связаны с заслугами по военной службе или для обязательства нести военную повинность в конкретном городе (крепости) и обеспечивать обороноспособность в силу значительных финансовых затрат с учетом сложной геополитической ситуации (серия русско-литовских войн, Ливонская война со Швецией). Например, привилегией короля Александра (1501) Н. Рыхлик назначался на должность войта Мельника по праву наследуемого владения для выполнения судебных функций и общего руководства городом. В свою очередь войт совместно с посольством (общиной) мог избирать столько радцев, сколько было необходимо городу (как правило, от 6 до 12)⁴. Грамота князя Свидригайла (1503, Кременец) даровала должность войта «Немчину Юрку из Буска» вследствие его личной просьбы без согласия на то мещан⁵. С одной стороны, войт обязался осуществлять судебные функции с установлением соответствующего жалования (шестая часть податей от городских земель, третья часть судебных пошлин, сборы от дохода мельниц и т.п.), с другой стороны, грамота наделяла войта правом пожизненного землевладения и землепользования с обязательством нести военную службу.

После издания Жигимонтом I привилегия 1432 г. впервые появились данные о конкретизации деятельности магистрата применительно к деятельности Королевства Польши: в частности, наличие городской рады с бурмистром во главе [6, с. 111]. При этом рада имела изначально сословно-представительский характер, поскольку король назначал на эту должность феодалов (с последующим выборным началом магистратом и мещанами) [2, с. 25–26]. Рада заведовала рассмотрением гражданских дел, контролировала деятельность полиции, курировала

¹ Каштеляны, капелланы, воеводы, бургомистры.

² Акты Литовско-Русского государства / Изд. М. Довнар-Запольским. – Вып. 1 (1390-1529 г.) / 26. – Москва: Унив. тип., 1899. – 258 с. – С. 3–4.

³ Там же. – С. 10–12.

⁴ Там же. – С. 99–100.

⁵ Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов высоко учрежденной при Киевском Военном, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. – Киев: Универ. Тип. – Ч. 5. Т. 1: Акты о городахъ (1432–1798). – 1869. – 736 с. – С. 3, № 2.

торговлю. Конкретизируется и институт войта⁶. На войта возлагалось управление администрацией города и судебные функции по уголовным делам. За это он получал жалование в виде части налогов, сборов. Схожие функции имел и войт в Люблине. Также упоминаются и другие чиновники магистрата: бурмистры, радцы (советники) и лавники (присяжные). При назначении на должности урядники приносили присягу. Стоит отметить схожее правовое положение лиц магистрата Королевства Польша и ВКЛ.

При этом жалованная грамота для Дрогичина (1498) впервые установила возможность избрания посольством и войтом 16 радцев с соблюдением принципа паритета католиков и православных (хотя и не всегда он соблюдался для отдельных городов). В свою очередь радцы вместе с войтом каждый год избирали двух бурмистров вновь по принципу церковного паритета⁷. Жалованная грамота для Минска (1499) определяла, что 12 радцев вместе с войтом будут выбирать на один год двух бурмистров, то есть устанавливался не только темпоральный период выполнения функций, но и закладывался принцип сменяемости⁸. Однако нормы грамоты не содержали требований по способу избрания (назначения) иных местных чиновников, их вероисповеданию и происхождению, что позволяло трактовать положения по своему усмотрению.

Более детальные положения о численности и способе избрания магистрата мы находим в жалованной подтвердительной грамоте Полоцку (1510), в которой установлено, что войт и бурмистры выбирают по принципу церковного паритета 24 радца «людей годных, набожных...». Среди них выбираются каждый год по два бурмистра также по церковному паритету. Отзывать же их могли члены магистрата и посольство⁹. При этом в жалованной подтвердительной грамоте Новогрудку (1511) детализировался следующий состав суда: шесть радцев и восемь присяжных (лавников), избираемых по принципу церковного паритета, среди которых шесть радцев и войт могли выбирать ежегодно двух бурмистров также по принципу паритета конфессий¹⁰. В жалованной грамоте Могилеву (1577) конкретизируется и выборность лавников из мещан по принципу территориальности и длительности проживания в городе¹¹.

С течением времени судебные функции войта частично перешли к выборным магистратским чиновникам из посольства, но не в силу развития гражданского общества, а в связи с нежеланием осуществлять эту функцию войтами и системным уклонением последних. Как справедливо отмечал В.Б. Антонович, войты, назначенные князьями, старались в большей степени извлекать доходы от должности [7, с. 170]. В силу чего войтовство как бенефиций¹² не только переходило по наследству, но и закладывалось, обменивалось и продавалось. Например, королева Бона, уступая часть земель Луцкому старосте, в меновой записи (1544) дает понять, что войтовство не только утратило свои судебные функции, но и лишилось права назначения ряда городских чиновников, в связи с переходом данных полномочий мещанам по немецкому праву. Войт более не назначал лантвойта и только формально утверждал последнего по избранию его жителями¹³. Схожие положения встречаются и в жаловании короля Иоанна III полковнику М. Бульге (1683) относительно пожизненного владения Овруцким войтовством в награду за заслуги (впоследствии даровано шляхтичу Мнисевскому, тот переуступил хорунжею Трипольскому)¹⁴. Встречаются и единичные примеры передачи функций войта избираемым мещанам (Каменец), которые сами выкупили эту должность у короля (в силу чего ранее выданные привилегии шляхте кассировались)¹⁵.

Таким образом, отметим, что в городах имелись свои особенности не только по назначению (избранию) местных чиновников, их количеству, но и получению ими жалования, что определялось особенностями развития города (места), его местоположением и исторической преемственностью влияния литовского (русского) права. Этот процесс продолжался на протяжении нескольких веков и зависел от территориального расположения города (северные и южные регионы, влияние казачества и т.п.). Вместе с тем отсутствие единого правового механизма назначения (избрания) местных чиновников и частичная конкретизация правового положения лиц магистрата повлекла за собой системное нарушение норм немецкого права в виде смешения функций чиновников: войт мог председательствовать одновременно в коллегиях по гражданским и уголовным делам в раде и лаве. Количество присяжных и радцев разнилось даже в одном городе в разное время. Один и тот же бурмистр избирался несколько раз подряд и одновременно выполнял функции присяжного (лавника) [7, с. 171].

Усиление роли мещанства в управлении городом. Постепенно менялась роль мещанства в управлении городом, осуществлении им контрольных и распорядительных функций. Это стало закономерным следствием

⁶ По некоторым данным институт возникает с 1387 г. См., например: Burbianka M. Geneza urzdu wojtowskiego w Wilnie // *Alma Mater Vilnensis*. – 1932. – Т. 10. – С. 11–17.

⁷ См. сноску № 2. – С. 84–86.

⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 1. – СПб., 1848. – 350 с. – С. 187–189.

⁹ Литовская метрика. – Ч. 8. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/80> (дата обращения: 15.10.2025). – Л. 396–400.

¹⁰ Там же. – Л. 191–194.

¹¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 3. – СПб., 1848. – 362 с. – С. 202–206.

¹² Возможность извлечения дохода от должности.

¹³ См. сноску № 5. – С. 45–46.

¹⁴ Там же. – С. 168–169.

¹⁵ Там же. – С. 294.

множества конфликтов, возникших как на почве некорректности выполнения своих обязанностей привилегированной частью магистрата, так и многочисленными притеснениями мещан воеводами и старостами, потерявшими часть своей прибыли от перераспределения в пользу города и магистрата.

Так, Владимирский староста удерживал право верховного суда по уголовным делам. В Кременце, Ковле, Овруче старосты влияли на городские выборы, самостоятельно утверждали в должности бурмистров, лантвойтов, присяжных без участия магистрата. Старосты в этих городах могли отменять приговоры, постановленные магистратом, и самостоятельно отпускать преступников (признанных таковыми решениями суда магистрата). Кроме того, дополнительно устанавливались налоги и сборы сверх закрепленных для города, в силу чего мещане отбывали барщину и другие виды работ в пользу замка (было отменено по праву немецкому). Следствием такого положения стали жалобы мещан и магистрата, подаваемые «...о кривде і утісках, о грабеже і зломанье права Майтборского і привілея нашего...». Так, король Жигимонт I выдал жителям Полоцка уставную грамоту (1527) о городской управе и ненарушении Магдебургского права¹⁶. Жалоба последовала на полоцкого воеводу и старосту П. Кишку, а также отдельных князей-полочан, бояр, игуменью, которые допустили нарушения прав мещан. Последние жаловались на привлечение ремесленников к бесплатным работам; причинение телесных повреждений; установление новых налогов в виде серебщины и ордынщины; взимание дополнительного мыта с провоза товаров по рекам; ведение судопроизводства воеводой, а не магистратом и т.п. По рассмотрении жалоб король направил комиссию для разбирательства, постановил отменить неправомерные решения и далее применять немецкое право и установленные льготы, и привилегии.

Закономерным следствием упомянутой ситуации стала попытка урегулирования отношений по функционированию магистрата между патрициатом и мещанами с одной стороны и магистратом и властью волости – с другой. Так, декретом короля Жигимонта I (1536) для Вильни впервые устанавливался запрет о занятии должностей бурмистра и радцы – «сыном па бацьку і братам па браце» [8, р. 48–50], т.е. вводились ограничения по совместному прохождению службы шляхетскими родственниками и прямому их подчинению, как это имеет место на сегодняшний день по законодательству о борьбе с коррупцией. Кроме того, данная мера ограничительного характера вводилась для расширения участия мещан в управлении городом и уменьшения влияния шляхты. Немало в этом поспособствовало и признание права мещан на согласие введения новых налогов и выдачу уставных документов. В этих случаях требовалось решение посольства в лице «40 (20, 30, 60) достойных мужей» [6, с. 112]. При этом решения посольства принимались большинством и оформлялись протоколом сходки.

Одной из уступок было и введение управления финансами города в лице четырех шафарей (ключников), два из которых назначала рада и два выбирались мещанами – «сходам простага люду». Кроме того, устанавливался и контроль казны города в части доходов и расходов. Отчет принимался соответствующей комиссией каждый год или два года. Комиссия состояла из шести человек «простага люду» (из 18 кандидатов, отобранных общим сходом), двух радцев, назначенных радой, и по одному представителю цеховиков (определяла рада)¹⁷. Дополнительно регулировался порядок избрания войта советом 40 мужей и депутатами от посполитых мещан. Впоследствии вводилось ограничение на запрет занимать одному лицу одновременно две должности в магистрате¹⁸.

Несмотря на наличие ряда ограничений при выполнении должностных обязанностей магистратом, фиксировались нарушения коррупционного характера, которые нередко становились предметом разбирательств особых комиссий. Так, имели место хищения городских доходов войтами и бурмистрами, самовольный захват земель, радцы злоупотребляли полицейскими функциями, шафари не давали отчетов о городских доходах в течение нескольких лет, выборы в магистрат производились не регулярно и т.д.¹⁹. За совершение таких действий предусматривалось наличие юридической ответственности в виде снятия с должностей, штрафов, тюремного заключения.

Стоит отметить, что с течением времени произошло дальнейшее урегулирование процедурного порядка назначения на должности магистрата и подготовки отчетных документов. Акцент постепенно смещался на усиление роли выборных представителей из непривилегированной части горожан, включая представителей цехов, и публичность принимаемых решений.

Заключение. Таким образом, магдебургское право, действовавшее на территории ВКЛ, Королевства Польши и Речи Посполитой, существенно отразилось на организации самоуправления городов и местечек. Трансформация органов власти и управления в лице магистрата, свободного от юрисдикции волости, повлияла на особенности правового положения местных чиновников и организацию судебного производства. Вместе с тем частичная конкретизация правового положения должностных лиц, отсутствие единообразного способа назначения (снятия) последних, наличие слабоэффективных механизмов контроля их деятельности в условиях конфронтации представителей власти на уровне города и волости послужили криминальными факторами, способствующими совершению коррупционных правонарушений. Однако поэтапная эволюция норм права отразилась и на развитии ограничительно-сдерживающих мер коррупции в контексте её современного осмысления. Так, закрепление некоторых принципов и ограничений, связанных со службой (например, темпоральности, паритета конфессий,

¹⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 2. – СПб., 1848. – 444 с. – С. 178–181, № 147.

¹⁷ См. сноску № 5. – С. 228–229, 459, 465.

¹⁸ Там же. – С. 150–152.

¹⁹ Там же. – С. 174 (№ 54), 305 (№ 124), 459 (№ 172).

выборности, подотчетности, публичности, запрета одновременного занятия двух должностей, ограничения родственных связей и прямого подчинения), заложило существенную основу для формирования современной антикоррупционной политики государства в контексте преемственности права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Келлер О.Б. Средневековое немецкое право на землях Центральной и Восточной Европы в XIII–XVIII веках. – Минск: РИВШ, 2012. – 244 с.
2. Дружыц В.Д. Войты і іх улада ў беларускіх гаспадарскіх местах з Майдэбургскім правам. – Мінск, 1928. – 55 с.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. – СПб.: Манускрипт, 1868. – 312 с.
4. Петриков П.Т. Полоцк. Исторический очерк. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск: Наука и техника, 1987. – 320 с.
5. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права: дапам. для студэнтаў юрыд. фак. / Я. Юхо і інш. – Мінск: БДУ, 2000. – 127 с.
6. Бардах Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага / Пер. М. Раманоўскага і А. Істоміна; прадм. Г. Сагановіча. – Мінск: Беларускі Гістарычны Агляд, 2002. – 459 с.
7. Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. – Киев: Тип. Е. Я. Федорова, 1885. – Т. 1. – 351 с.
8. Jaworski I. Przywileje miejskie na prawo niemieckie w Wielkim Ksiastwie Litewskim // Rocznik Prawniczo-Wilenski. – Wilno, 1929. – Т. 3. – Р. 48–61.

Поступила 10.03.2026

THE ROLE OF MAGDEBURG LAW IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF RESTRICTIVE MEASURES AGAINST CORRUPTION

T. TERESHCHENKO

(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)

This article examines the problem of combating corruption during the Magdeburg Law era in Belarusian lands. Using comparative legal and historical research methods, the author concludes that restrictions on corrupt behavior by officials continued to develop through the regulation of public relations by Magdeburg Law acts. The presence of corruption-causing factors contributing to offenses during the period under study is noted. Furthermore, a transformation of legal norms related to combating corruption is noted. Specifically, additional restrictions were introduced to prevent abuse and exceeding official powers, as understood by modern criminology. The innovations of electing individual members of the magistrate and court and strengthening the role of the townspeople in the governance of cities and towns acted as deterrents to the development of corruption. This allows us to acknowledge the formation of the essential foundation of the anti-corruption policy of the modern Belarusian state from the perspective of legal continuity.

Keywords: *Grand Duchy of Lithuania, corruption, corruption-causing factors, Magdeburg Law, Polish-Lithuanian Commonwealth.*